

Н. А. РАБКИНА

АНТИГЕРОЙ ДОСТОЕВСКОГО И ШТРИХИ РЕАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Критика К. Н. Леонтьевым пушкинской речи Достоевского, с которой он выступил в августе 1880 г. в газете «Варшавский дневник», хорошо известна. Известна и острая, болезненная реакция писателя на эту критику проповеди любви к человечеству. Интереснее другая, совсем не исследованная проблема: возможная трансформация теорий Леонтьева и самой его индивидуальности в образной системе великого писателя, в мире его художественных произведений. В подобной плоскости вопрос не рассматривался ни в литературоведении, ни в истории отечественной общественной мысли. Однако для его постановки есть фактическая основа, а глубокий смысл изучения этого вопроса связан с перспективой расширения наших представлений о Ф. М. Достоевском — мыслителе и художнике.

* * *

Начнем с фактов. Достоевский, как оказывается, был знаком с Леонтьевым лично, а в период писания романа «Братья Карамазовы» искал с ним встречи. Это происходило почти синхронно с чтением на литературном утре 30 декабря 1879 г. главы о «великом инквизиторе».

В отделе рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина хранится записка Н. Н. Страхова к Ф. М. Достоевскому, датируемая декабрем 1879 г.: «К. Н. Леонтьев стоит в Hotel Angleterre, на Вознесенском проспекте возле самого Исаакия, Ваш Н. Страхов»¹.

В суворинской газете «Новое время» в 1900 г. был опубликован так называемый «Маленький фельетон» за подписью «А. О.» (псевдоним А. Г. Авсеенко, сотрудника катковского «Русского вестника»). Фельетон представляет фрагмент литературных воспоминаний. «А. О.» сообщает об одной из встреч с Ф. М. Достоевским, которая происходила у Леонтьева.

«...Я встретился с Достоевским у покойного К. Н. Леонтьева, прекрасного и недостаточно оцененного рассказчика из славяно-греко-турецкой жизни на Балканском полуострове, где он некоторое время служил консулом. Леонтьев был проездом и жил в гостинице. Достоевский, войдя в номер, долго разматывал странный коврик, окутывавший ему шею, и что-то пробурчал вместо приветствия. Вообще, прошло немало времени, пока он уселся и втянулся в разговор, но разговор был чрезвычайно странный. Достоевский походил на человека, который хочет, но не может напасть на интересующий его предмет... Посидев с полчаса и грубо отказавшись от предложенного ему чаю, он стал снова обматывать шею свою странным ковриком.

— Что он всегда такой? — не без удивления спросил я по его уходе. Леонтьев, будучи только немножко дипломатом, только слегка пожал плечами и поиграл глазами» [1].

¹ ОР ГБЛ, ф. Ф. М. Достоевского II, картон 9, ед. хр. 19.